

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук

Лукина Павла Владимировича на диссертацию

Лавренченко Марии Леонидовны

«"Речи" Киевской летописи XII века (источниковедческое исследование)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по научной специальности 5.6.5. – «Историография, источниковедение и методы
исторического исследования».

Диссертация М.Л. Лавренченко посвящена прямым речам в Киевском своде конца XII в. – составной части Ипатьевской летописи. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованных источников и литературы. В первой главе речь идёт о весьма богатой историографии Киевского свода, во второй – рассматриваются устойчивые формулы в прямых речах, в третьей – особенности использования в Киевской летописи «родовой» лексики. Я не буду излагать содержания частей работы, а сразу перейду к выводам.

Диссертация М.Л. Лавренченко представляет собой самостоятельное, серьёзное, подлинно новаторское исследование, безусловно заслуживающее присуждения диссертантке степени кандидата исторических наук.

Прежде всего, хотелось бы отметить чёткость постановки проблемы, прекрасное знание историографии, в том числе и прежде всего, трудов по летописной текстологии, обоснованные методические принципы работы с материалом, структурированность работы. Особо хотелось бы выделить следующее.

Автор обоснованно пользуется термином источников, характеризуя объект исследования – летописные «речи». Несколько упрощая, можно сказать, что в основе работы попытка ответить на два тесно связанных между собой вопроса: изначальный характер прямых речей в Киевском своде (письменный или устный) и степень их достоверности (измышлялись ли они на базе литературных источников летописцами или отражали реальность; записывались ли по горячим следам или вносились в летопись задним числом). Оба этих вопроса имеют, конечно, фундаментальное значение для оценки достоверности Киевского свода в составе Ипатьевской летописи как исторического источника, поскольку «речи» в нём занимают немалое место, и в них содержится важнейшая информация. В ходе проведённого исследования диссертанткой установлен репертуар формул, использовавшихся в зафиксированных в Киевском своде речах, и их эволюция. Выяснилось, что эти формулы не могли быть внесены в летопись

единовременно, что опровергает гипотезу об их сочинении поздним летописцем по канве переводных или более ранних летописных источников. Об этом ярко свидетельствуют, в частности, параллели с зафиксированной в берестяных грамотах и некоторых других источниках бытовой речью, а также выявленные лингвистами отличия речей в составе Киевского свода от языка его нарративной части. Фактические детали и их акцентирование в летописи также не могли быть внесены через десятки лет после описываемых событий. В пользу этого же говорит и фиксация некоторых договорных формул не только в Ипатьевской, но и в Лаврентьевской летописи. Твёрдым доказательством реального использования летописных формул является их бытование в договорных грамотах послемонгольского времени (этот вывод, пожалуй, имело бы смысл более чётко акцентировать).

О поэтапном внесении речей в летопись свидетельствуют и особенности использования «родовой» лексики (отец, брат и т.д.). Более спорным является вывод об изначально устном характере речей. Здесь возможна более сложная ситуация: устное оформление изначально письменных текстов и последующее внесение их в летопись (тем более что нам прекрасно известны случаи внесения в летопись безусловно письменных документов: договоров Руси с Византией, грамоты Мстислава Даниловича в Галицко-Волынской летописи). В целом, однако, в устном «посредстве», как и в наличии устного крестоцелования, сомневаться, по-видимому, не приходится. Об этом свидетельствуют и данные самой летописи, и сравнительно-исторические параллели. Очень характерно в этом отношении замена в Киевском своде в одном из фрагментов, испытавших, вероятно, влияние «Александрии Хронографической», «грамот» на «речи» (с. 79-80).

Немало в диссертации и отдельных тонких наблюдений, в том числе и полемика характера (например, критика недавно предложенной А.П. Толочко «поговорки» князя Изяслава Мстиславича «не идет место к голове...» и убедительная реинтерпретация этой фразы). Интересно применение к новгородским объединениям горожан модели «данное сообщество» vs «сконструированное сообщество». Остроумно и, скорее всего, верно предположение автора о том, что ошибки иностранных источников в определении степени родства древнерусских князей связаны с практикой наименования их – вне зависимости от реальной степени родства – этикетным обозначением «братья». Автор верно замечает, что само использование устойчивых формул свидетельствует о ритуальном характере назначения на должность киевского тысяцкого (с. 147). Яркие параллели древнерусскому выражению «быти в отца место» М.Л. Лавренченко находит в исландских сагах (с. 158). Заслуживает серьёзного внимания и вывод автора о появлении обращения «господин» в духовной литературе.

В работе М.Л. Лавренченко, как и во всяком исследовании, посвящённом сложной и дискуссионной теме, есть, на мой взгляд, определённые недостатки. Не со всем в ней можно согласиться. Среди таких спорных моментов можно отметить следующее.

«Неосновные» списки Ипатьевской летописи имеют разный текстологический статус. Погодинский представляет собой простую копию Хлебниковского, и его можно даже не упоминать. Поздней копией является и так называемый Краковский список. Зато списки Ермолаевский и Яроцкого восходят к одному протографу, который имеет, в свою очередь, общий протограф с Хлебниковским. Таким образом, их оба надо учитывать для текстологических реконструкций (имея в виду ещё и то, что разночтения по Ермолаевскому списку во II томе ПСРЛ отнюдь не полны). Не вполне понятно, почему в диссертации не уделяется достаточного внимания Московскому летописному своду конца XV в., в котором, как установил А.Н. Насонов, сохранились фрагменты более полного текста Киевского свода, чем тот вариант, который представлен в Ипатьевской летописи. Между тем, в этих фрагментах читаются и прямые речи персонажей. Автор знает о работе А.Н. Насонова и пересказывает сделанные им выводы, но данные МЛС в должной мере не привлекает. С другой стороны, явно излишним кажется подробное изложение давно опровергнутой концепции А.А. Шахматова о полихронах как об источниках Ипатьевской летописи. Излишне подробным представляется и изложение взглядов Т.Л. Вилкул на соотношение Ипатьевской и Лаврентьевской летописей (оно представляет собой уже по сути рецензию). В то же время автор, сочувственно ссылаясь на наблюдения Т.Л. Вилкул над заимствованиями в Киевский свод из переводных текстов, не отмечает того, что это в значительной степени (если не преимущественно) – так называемые микрозаимствования, происхождение которых из литературных источников сомнительно и недоказуемо. На с. 64-65 автор подробно обсуждает проблему «крестных грамот», считая их содержание «неразгаданной загадкой». Но из более поздних данных (в частности, договоры Новгорода с ганзейскими городами) хорошо известно, что «крестная грамота» и даже просто «крестоцелование» - это синонимы заключённых договоров, которые представляли собой, конечно, не просто символические предметы, а тексты с важным для обеих сторон содержанием, на которые в дальнейшем ссылались при выстраивании отношений. Нет оснований предполагать, что межкняжеские крестные грамоты более раннего времени были чем-то другим. Вообще, думается, что несколько более широкое привлечение сохранившихся письменных договоров позднейшего времени помогло бы автору (в диссертации этой теме посвящён специальный параграф, но тема далеко не исчерпана). М.Л. Лавренченко, скажем, несомненно, права в своей трактовке формулы «всести на конь» как подтверждения готовности оказать военную помощь (с. 101-102). Но в пользу этого

говорят, прежде всего, не косвенные летописные свидетельства, на которые ссылается автор, а прямые данные позднейших договоров, в том числе и хрестоматийно известных (договор Москвы и Твери 1375 г.). Это однозначно была «рабочая» формула договоров, и именно поэтому не стоит придавать большого значения случаям, когда она повторяется в разных летописях (ср. с. 109). Нельзя согласиться с мнением диссертантки о том, что формула «ты наш князь», адресованная князю от имени горожан, употребляется только, когда имеется несколько претендентов на один стол (с. 112, 113). Это не так, о чём ясно свидетельствует рассказ Летописца Переяславля Суздальского о вокняжении в Переяславле Ярослава Всеволодича. До XIV в. называть Новгород «Великим» неправомерно. Непонятно, почему для датирования событий в Галицко-Волынской летописи не используется статья М.С. Грушевского о хронологии её известий. Говоря о близости «родовых» формул, которые применялись в межкняжеских отношениях, с теми, которые использовались в отношениях между князьями и горожанами, М.Л. Лавренченко могла бы упомянуть работы П.В. Лукина, в которых показано, что в рамках древнерусских представлений городские политические сообщества могли мыслиться как своего рода коллективные личности, в каком-то смысле аналогичные князьям. Обращение «братья и отцы!» в житии Феодосия Печерского могло быть прямо или опосредованно заимствовано из «Деяний апостолов», где такое обращение встречается, например, в последних словах первомученика Стефана, и «прощальный» контекст тут вполне уместен.

Помимо речей князей и духовенства, в Киевском своде имеются речи и других лиц, на которые следовало бы обратить внимание, например, речь «единого человека» в рассказе о расправе над Игорем Ольговичем в 1147 г.

Имеются в работе и досадные опечатки, в том числе, к сожалению, и в инициалах предшественников и коллег, написании фамилий зарубежных учёных, причём весьма известных (Альтхов вместо Альтхофф, Шмит вместо Шмид). «Тот же» по-латыни – не «*ibidem*» (это «там же»), а «*idem*». Имеются ошибки при передаче латинского текста на с. 105 (*as* вместо *ad* и т.д.). Родной (или единокровный) брат – не *germanum*, а *germanus* (с. 126). Не вполне понятно, почему диссертантка называет князя Владимира Мстиславича «матешичем», в летописи он вроде бы «мачешич» (сын мачехи старших сыновей Мстислава Великого). Есть и орфографические ошибки, и стилистические огрехи.

Сделанные замечания, а также спорные моменты, многие из которых неизбежны при исследовании столь сложного материала, не умаляют положительного впечатления от диссертации и важности сделанных в ней выводов и конкретных наблюдений, либо не носят принципиального характера. Диссертация М.Л. Лавренченко – бесспорно самостоятельное, серьёзное и вдумчивое исследование, ставшее итогом многолетней работы по избранной

автором очень непростой теме. Диссертантка продемонстрировала в своей работе большой интерес к изучению древнерусских источников, необходимые в этой области познания и исследовательские возможности.

Содержание диссертации полно и адекватно отражено в автореферате и в опубликованных работах. Диссертация М.Л. Лавренченко полностью соответствует требованиям, предъявляемым при защите, а автор её достоин присуждения искомой степени кандидата исторических наук.

Официальный оппонент
доктор исторических наук
главный научный сотрудник
Центра по истории древней Руси
Института российской истории
Российской академии наук

[Handwritten signature]
Лужин Павел Владимирович

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова
тел. 8 499 126 86 91

[Handwritten signature]
Аннина В.В. удостоверяю
начальник отдела кадров Федерального
государственного бюджетного учреждения науки
Института российской истории Российской
академии наук
[Handwritten signature]
18 ноября 2021 г.